

ПЕРВОЕ «СЕРДЕЧНОЕ СОГЛАСИЕ» (К ВОПРОСУ О ФРАНКО-АНГЛИЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В 30–40-Е ГГ. XIX В.)

Е. И. Федосова

Начало XIX в. явилось во многом переходным для международных отношений в Европе. Крах Первой империи во Франции, завершившийся образованием «венской системы» и Священного союза были явлениями несомненно мирового значения. Новый «порядок» попытались создать на началах принципа легитимизма во внутренней и международной жизни государств¹. Наиболее уязвимой стороной этой концепции было стремление создать правовой порядок не только прочный, но и вечный. Но право, как известно, тоже имеет свою историю, и правовой порядок тем прочнее, чем интенсивнее идет процесс изменения этого права, в связи с меняющейся исторической обстановкой. Создатели системы легитимизма — этого очередного плана «вечного мира» — не позаботились о создании органа, который мог бы корректировать «принцип» в зависимости от исторической реальности.

Принцип легитимизма, однако, принимался не как отвлеченное начало (хорошо известно, что Александр I не хотел восстанавливать во Франции династию Бурбонов), а всегда наполнялся вполне реальным содержанием. Легитимизм начала XIX в. стал своего рода обоснованием новой системы политического равновесия в Европе

Елена Ивановна Федосова, кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова.

¹ Известно, что принцип легитимизма, как основы будущего международного права, был предложен на Венском конгрессе представителем Франции Ш.М.Талейраном. Сделано это было с целью добиться для Франции почетного места на конгрессе, сорвать планы, прежде всего России, по польскому и саксонскому вопросам и тем самым расколоть антифранцузскую коалицию.

в интересах государств «Старого порядка». Практически это означало преграду новому политическому усилению Франции и дальнейшему росту значения Англии, особенно в решении европейских проблем. Поэтому «трактаты 1815 г.» уже в 20-е гг. начинают входить в противоречие с государственными интересами многих держав, в первую очередь Англии и Франции.

Казалось, что уже непосредственно после Венского конгресса существуют все предпосылки для сближения Франции и Англии. Однако вопрос о внешнеполитической ориентации на Англию в начале века не был простым для французского правительства. Бурбоны, обеспокоенные судьбой своей династии, искали поддержки, прежде всего, среди легитимных монархов Европы, заверяя их о своем стремлении к миру и о верности трактатам 1815 г. Сближение же с Англией осложнялось еще и тем, что она была основным экономическим конкурентом Франции, ее главным соперником на европейских и колониальных рынках. Кроме того, память о Ватерлоо также мешала воспринимать события отстраненно от наполеоновских времен. В обществе всякое сближение с Англией рассматривалось чуть ли не как национальная измена.

Сразу после Венского конгресса перед французской дипломатией была поставлена трудная задача преодолеть ту унижительную ситуацию, в которую попала Франция в результате поражения в наполеоновских войнах. Сделать это, как казалось в 1810-х — 1820-х гг., можно только с помощью России, которая к этому времени снискала себе славу защитницы интересов Франции. Граф Ноайль ехал в Петербург в качестве посла имея четко поставленную перед ним задачу — заменить Четверной союз (между Англией, Австрией, Пруссией и Россией) союзом русско-французским.

Однако к такому союзу русский император не был готов. Его как раз влекла идея расширения Четверного союза, привлечения к нему как можно большего количества государств (и Франции в первую очередь), превращения его в «Великий союз» — братский и христианский. Система Священного союза вообще никаких частных союзов не допускала, так как такая практика свела бы на нет тот баланс сил, который был установлен в 1815 г. и был выгоден России.

Таким образом в 1810-х — 1820-х гг. все планы французской дипломатии на разрушение Венской системы путем укрепления отношений с Россией и, главное, заключение с ней союза, потерпели поражение. Англия также в своей дипломатической игре в этот период не рассматривала Францию как союзника, хотя и не связала себя обязательствами Священного союза. В целом, вес Франции в международных делах

в 10–20-е гг. XIX в. был очень незначительным. В этом отношении показателен мемориал о положении восточных дел (а обострение восточного вопроса было главной проблемой международной жизни в 20-е гг.), составленный канцлером Австрии К. Меттернихом в 1826 г. В нем практически не упоминается позиция Франции в этом вопросе, а все внимание сосредоточено на позициях России и Англии².

Однако все же восточный кризис 20-х гг. французская дипломатия смогла использовать для активизации своей политики на Ближнем Востоке, на Балканах, в Египте и Иране. Одновременно французское правительство предпринимало шаги, направленные на то, чтобы не допустить усиления России на Ближнем Востоке. В этом вопросе позиция Франции часто пересекалась с английской. И совершенно очевидно, что опасения чрезвычайного усиления России в этом регионе привели уже в 20-е гг. XIX в. к началу складывания антироссийской направленности политики европейских держав во главе с Англией в решении восточного вопроса.

Очень показательно, что поддержку России Францией в период русско-турецкой войны 1828–1829 гг. французское правительство сразу же связало с планами пересмотра Венских трактатов, о чем свидетельствует так называемый «Большой проект» Полиньяка — главы нового кабинета, сформированного во Франции в августе 1829 г³. Чтобы привлечь Россию к этой политической комбинации, Полиньяк тесно связал передел земли в Западной Европе с разделом Османской империи. Турки, по его плану, полностью изгонялись с Балканского полуострова, Россия получала Молдавию, Валахию и обширные области Армении, на долю Австрии доставались Сербия, Босния, Герцеговина и т. д. и т. п. Но главное, что земли нидерландского короля подлежали разделу. Бельгия отходила к Франции, Голландия к Пруссии. Англия получала голландские колонии. План Полиньяка был одобрен французским королем Карлом X и отослан в Петербург. Причем в этом послании французское правительство не настаивало на точном исполнении всех пунктов этого проекта, но одно условие являлось исходным — присоединение Бельгии к Франции.

В сущности, химерический план Полиньяка был попыткой нового русско-французского сближения, предпринятой французским правительством, но, как и раньше, она была обречена на провал. Россия

² *Metternich K.W. von. Mémoires, documents et écrits divers. Deuxième partie. T.4. P., 1881 (далее — Mémoires...).*

³ Подробно о плане Ж. Полиньяка см.: *Татищев С. С.* Император Николай I и иностранные дворы. СПб, 1889. С.137–139.

никогда не пошла бы ни на какой передел земель в Западной Европе. К тому же к концу войны с Турцией в правительственных кругах России вновь получила развитие идея сохранения Османской империи, которая в результате поражения в войне должна была попасть в орбиту влияния России.

Французское правительство, видя, что все усилия ни к чему не привели, изменило свой курс и попыталось вместе с Англией и Австрией повлиять на ход переговоров между Россией и Турцией в Адрианополе (сентябрь 1829 г.). Осенью 1829 г. отношения между Англией и Россией были чрезвычайно накалены, поговаривали даже о возможности военного разрешения этого конфликта. Много в данной ситуации зависело от позиции французского правительства. Казалось, что сближение Англии и Франции дело решенное и именно оно определит дальнейший ход событий. Однако Франция, готовившаяся к экспедиции в Алжир, не захотела осложнений в отношениях с Россией, тем более что завоевание Алжира неминуемо грозило вызвать отрицательную реакцию Лондона. Россия же не раз давала понять Тюильрийскому кабинету, что поддержит Францию в этом предприятии⁴. Таким образом, англо-французские отношения в начале века все время наткнулись на препятствия, которые создавались той системой международных отношений, которые были созданы трактатами 1815 г. или же особенностями конкретной исторической обстановки.

Июльская революция 1830 г. во Франции и свержение легитимного режима, тесно интегрированного в международную систему, с таким трудом созданную в Вене, была фактором дальнейшего разрушения этой системы. Для легитимных монархов Европы революция во Франции означала возрождение революционной угрозы, исходящей вновь из Франции. Поэтому революция 1830 г. усложнила международные позиции Франции, вновь появилась угроза ее дипломатической изоляции, но одновременно появились и реальные возможности к сближению Англии и Франции.

Первые шаги правительства Июльской монархии во Франции в области внешней политики отличались крайней осторожностью: оно поспешило дать заверения о поддержке трактатов 1815 г. и признало все территориальные изменения, произведенные ими. Английское правительство единственное из европейских держав сразу признало Июльскую монархию, английские газеты высказывались за сближение Англии и Франции, велась вся пропаганда англо-французской

⁴ Laran M. La politique russe et l'intervention française à Alger // Revue des études slaves. T.38. P., 1961.

дружбы⁵. В событиях 1830 г. во Франции Англия увидела возможность ослабления позиций стран «Старого порядка», и усиление своего влияния на европейские дела.

Международная ситуация крайне осложнилась в результате вспыхнувшей в августе 1830 г. революции в Бельгии. Бельгии грозила интервенция, что представляло угрозу и для безопасности Франции. Поэтому Франция в противовес доктрине Священного союза, к которому она присоединилась в 1818 г. — вмешательство во внутренние дела государств с целью поддержания порядка и легитимных правительств в Европе — выдвинула принцип невмешательства, которого Англия придерживалась с 20-х гг. XIX в. Ф. Гизо, выступая в парламенте, отмечал, что распространение «демона революции» опасно и для Франции, надо отказаться от политики поддержки всех революционных движений, но надо уважать и права всех народов на свой выбор.

Принцип невмешательства толковался различными силами во Франции по-разному. Но несомненно, что главное его содержание — не допускать вооруженного вмешательства европейских держав во внутренние дела тех государств, которые образовывали, как подчеркивал Гизо, «ее (Франции — *Е. Ф.*) пояс»: Бельгия, Швейцария, Пьемонт, Испания⁶. Против вмешательства в бельгийские дела активно выступала и Англия. В этой чрезвычайно напряженной международной ситуации сближение с Англией, которая первая признала новое правительство во Франции, казалось наиболее реальным.

Особенно актуальна эта проблема становилась для Франции, которой грозила международная изоляция. На чрезвычайно ответственный для Франции в этой ситуации пост посла в Лондоне был назначен 76-летний Ш.-М. Талейран, перед которым была поставлена сложная задача — предотвратить иностранное вмешательство в бельгийские дела и избежать военного конфликта в Европе в целом.

Выбор кандидатуры на пост посла в Англии многим политическим деятелям показался странным. Во Франции в эти дни много говорили о превратностях его политической карьеры, припоминались его неблагоприятные поступки и чрезмерная алчность. Но никто не отказывал Талейрану в остром глазе на политические события, умении почувствовать момент и приспособиться к нему. Талейран обладал колоссальным политическим опытом — ведь на протяжении 40 лет он активно участвовал в важнейших событиях Европы. В Англии же Та-

⁵ См.: *Молок А. И.* Англия и революция 1830 г. во Франции // *Международные отношения. Политика. Дипломатия.* М., 1964.

⁶ *Guizot F.* Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps. P., 1859. T.2. P.259.

лейрану был оказан такой пышный прием, что русским дипломатам уже тогда казалось, что вопрос о союзе между Англией и Францией — дело решенное. Дом французского дипломата в Лондоне сделался очень быстро местом самых пышных приемов и балов.

Талейран был убежден, что единственная возможность стабилизировать международное положение Франции — это сближение с Англией. Однако он очень быстро и ясно понял всю нереальность плана немедленного заключения прочного союза между Англией и Францией. Министр иностранных дел Англии Дж. Пальмерстон сразу же отклонил все попытки разговоров на эту тему — Июльская монархия еще слишком слаба, чтобы Британская империя пошла на союз с ней. Поэтому тактика Талейрана заключалась в следующем: «Франция не должна сейчас думать о том, что называют союзами; она должна поддерживать хорошие отношения со всеми и особенно с некоторыми державами...»⁷. И наиболее подходящей страной, с которой Франции следует поддерживать хорошие отношения, он считал Англию. Здесь не последнюю роль играло, по мнению Талейрана, сходство политических институтов, принятие обеими странами принципа невмешательства как основы внешней политики. Европа, писал он 27 ноября 1830 г., разделена сейчас на два лагеря: Англия и Франция, с одной стороны, и Пруссия, Россия и Австрия — с другой. Талейран считал также, что Пруссию с ее тягой к либеральным реформам, возможно, в будущем и удастся притянуть на сторону Англии и Франции⁸.

Достигнуть сближения с Англией, считал французский посол, можно было, только устранив наиболее спорные вопросы в отношениях между державами и, прежде всего, отказавшись на время от колониальной экспансии в Алжире. Поэтому он настойчиво просил, чтобы французские журналисты и политические деятели как можно меньше касались алжирских дел. И современники, и позднее историки утверждали, что отказ от активной колониальной политики в первые годы Июльской монархии — это дело рук Талейрана. Однако активную колониальную политику Франция, находясь практически в условиях внешнеполитической изоляции, вести и не могла.

Кроме того, и бельгийская революция неожиданно осложнила англо-французские отношения. В Бельгии громко раздавались голоса сторонников присоединения к Франции. Если голландский король обратился за помощью ко всем европейским державам, кроме Франции,

⁷ Ambassade de Talleyrand à London 1830–1834. P., 1891. Première partie. P.99–103.

⁸ Ibid. P.98.

то бельгийцы ждали помощи именно от Франции. В самой Франции развернулась острая политическая борьба по вопросам внешней политики. Луи Блан писал, что во Франции в это время, по существу, было два правительства: правительство Луи Филиппа и «правительство клубов». Первое — «расчетливое и осторожное», второе — «активное, действующее страстно и непредусмотрительно»⁹. «Второе правительство» требовало продвижения Франции к Рейну, поддержки всех революционных движений, присоединения Бельгии, активизации колониальной политики. С этими требованиями выступали и немногочисленные республиканцы и левое крыло либеральной буржуазии.

Эта ситуация насторожила английское правительство — оно вовсе не хотело усиления позиций Франции в Европе. Пальмерстон считал, что полностью доверять Франции и поддерживать ее нельзя, так как она мечтает о возвращении ей утраченных в 1815 г. «естественных границ»¹⁰. Вспоминали в эти дни в Лондоне и о плане Ж. Полиньяка 1829 г., в котором предполагалось объединение Франции и Бельгии. Княгиня Ливен, жена русского посла в Англии, находясь в дружеских отношениях с главой английского правительства Ч. Греем, не раз говорила ему, что «Талейран способен на все. Франция не хочет, чтобы дела Бельгии уладились, она хочет лавировать, затянуть их до тех пор, пока она не станет ее добычей, и все добродушие Талеярана не имеет иной цели, как отдать Бельгию в руки Франции. Это будет его политическим завещанием; он возвратит ей то, что она потеряла по его вине»¹¹.

Французское правительство, стремясь успокоить правительства европейских стран, поторопилось заявить, что присоединение Бельгии к Франции не входит в его планы, что оно не стремится и к тому, чтобы корону Бельгии получил сын Луи Филиппа герцог Немурский, и согласно на то, чтобы судьба Бельгии была решена на конференции пяти великих держав. Французский историк Дебидур верно подметил, что само это решение говорило о нарушении принципа невмешательства и было, в сущности, «не что иное, как обращение к Священному союзу»¹².

Однако в недрах французской дипломатии продолжали разрабатываться различные планы перекройки карты Европы. Так, в ноябре 1830 г. министр иностранных дел Себастиани выдвинул план раздела

⁹ *Blan L.* Histoire de dix ans. P., 1842. T.2. P.86.

¹⁰ *Guyot R.* La première Entente Cordiale. P., 1926. P.62.

¹¹ Русская старина. 1903. № 114. С.692.

¹² *Дебидур А.* Дипломатическая история Европы. М., 1947. Т.1. С.306.

Бельгии между Нидерландами, Францией и Пруссией и секретно сообщил его некоторым участникам конференции в Лондоне, посвященной решению бельгийских дел¹³. Причем, так как достижение этого было невозможно без согласия Англии, предусматривалось вознаграждение Англии за счет Бельгии — ей предлагалось передать Антверпен.

Английское правительство через своего посла в Париже Гренвилля заявило, что оно никогда не допустит исполнения этого плана. Русский посол в Париже Поццо-ди-Борго доносил в январе 1831 г. о негативном отношении Англии ко всем попыткам Франции добиться увеличения своей территории. Он даже считал, что такая политика французского правительства неминуемо должна привести к возвращению Англии к «старой европейской политике»¹⁴. И действительно, английское правительство не раз давало понять французским дипломатам, что Франция непозволительно широко толкует принцип невмешательства.

В такой накаленной атмосфере французское правительство сочло необходимым дать разъяснения своей позиции. 2 декабря 1830 г. Себастиани в депеше Талейрану просил успокоить лондонский кабинет. Принцип невмешательства, разъясняется в этой депеше, был выдвинут в противовес политике государств Священного союза. Как и все принципы, он имеет свои границы: Франция, конечно, не преследует цели побудить народы к ниспровержению своих правительств и тем более не обещает им военной помощи. Ее политика призвана защитить интересы французской нации и не более того. Далее подчеркивалось, что Франция не собирается мешать европейским монархам подавлять революционные выступления, тем более если речь идет об отдаленных от Франции государствах. Но совсем другое дело Бельгия, здесь стоит вопрос о безопасности Франции¹⁵.

Такие разъяснения не могли успокоить Англию, тем более, что Талейран, хотя и называл план Себастиани «опасной авантюрой», на Лондонской конференции по бельгийским делам постоянно вел разговоры о различных территориальных уступках Франции. Во всех этих планах, разговорах или просто бесплотных мечтах английское правительство углядело «воспоминания о планах Полиньяка»¹⁶.

---

¹³ Mémoires du prince de Talleyrand. P., 1891. Т.3. P.411; *Мартенс Ф. Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1895. Т.11. С.451.

¹⁴ АВПРИ. Ф. Канцелярия. МИД. 1831. Д.9173. Л.92–93.

¹⁵ Ambassade de Talleyrand. P.121.

¹⁶ *Guyot R.* Op. cit. P.67.

Наконец, после тщетных усилий добиться каких-либо изменений в пользу Франции границ 1815 г., Талейран выступил с предложением сделать Бельгию, по примеру Швейцарии, нейтральным государством. Это предложение было поддержано, с ним выступали и другие участники конференции в Лондоне. В таком решении вопроса увидели единственную возможность не допустить подчинения Бельгии Франции. Талейран попытался распространить нейтралитет и на Люксембург, что привело бы к выводу оттуда германских войск (Люксембург входил в Германский союз). Когда это предложение было отклонено, он выдвинул другое — возвращение Франции двух крепостей — Филиппвиля и Мариенбурга¹⁷. Сражался Талейран, по выражению Пальмерстона, «как дракон». Переговоры по вопросу о будущей судьбе Бельгии проходили чрезвычайно сложно. Однако все предложения французского посла не получили поддержки со стороны английского правительства.

20 декабря 1830 г. Лондонская конференция признала независимость Бельгии, 20 января 1831 г. приняла решение о нейтралитете Бельгии, неприкосновенности ее территории, гарантируемой державами-участницами переговоров. И тотчас Талейран потребовал от бельгийского правительства разрушения всех крепостей, построенных после Венского конгресса на франко-бельгийской границе голландским правительством. И сумел добиться решения о ликвидации 13 крепостей.

Оппозиционные круги во Франции не были удовлетворены решениями Лондонской конференции по бельгийскому вопросу. Эти настроения в известной степени разделяли и в правительственных кругах. Согласие на нейтралитет Бельгии расценили не как вынужденный шаг, а как замысел самого Талейрана. Сестра Луи Филиппа Аделаида от имени короля с горькой иронией поздравила Талейрана с этим «успехом». Однако бесспорно, что итоги Лондонской конференции имели положительное значение для Франции. Создание независимого бельгийского государства, придерживающегося профранцузской ориентации, укрепляло международные позиции Июльской монархии. Этого успеха французская дипломатия достигла ценой большого уступок: отказалась от присоединения Бельгии, от пересмотра границ, установленных в 1815 г., и даже согласилась, чтобы королем Бельгии был ставленник Англии принц Саксен-Кобургский.

В октябре 1832 г. было подписано соглашение с Англией о совместной блокаде Нидерландских берегов с целью освобождения от голландских войск Антверпена. Никогда со времен Венского конгресса

¹⁷ См.: *Мартенс Ф. Ф.* Указ. соч. Т.11. С.450.

и до Крымской войны Франция и Англия не казались современникам так близки к подписанию союзного договора, как в момент совместной военной экспедиции и взятия Антверпена в ноябре–декабре 1832 г.

Еще в марте 1832 г. в Петербург из Лондона была послана русскими дипломатами обстоятельная записка о состоянии политических дел в Европе. Основным смыслом этого послания заключался в том, что Англия и Франция, благодаря общности правительственных порядков и политических целей, находятся в тесном союзе¹⁸. Однако русские дипломаты, а авторами записки были Поццо-ди-Борго, Матушевич и Ливен, глубоко ошибались. Действительного сближения Англии и Франции в этот период так и не произошло. Французское правительство очень скоро поняло, что использовать Англию в своих интересах и хоть как-то «исправить» ситуацию 1815 г. ему не удастся. Английское правительство не поддерживало Францию полностью ни в одном вопросе.

Это ясно проявилось в связи с польскими событиями. Польское восстание было использовано французским королем для того, чтобы вовлечь Англию в общие действия с Францией. Войны из-за поляков Луи-Филипп вести не хотел и не мог, но горячая поддержка французской общественностью поляков заставляла французское правительство занять благожелательную по отношению к повстанцам позицию. Оно попыталось привлечь Англию к совместному с Францией демаршу в поддержку польского дела и тем самым связать ее с французским внешнеполитическим курсом. В связи с вспыхнувшим восстанием в Царстве Польском Талейран послал в декабре 1830 г. депешу в Париж, в которой изложил свое отношение к польским событиям. Талейран писал, что они требуют от европейских держав решительного вмешательства, чтобы не повторить «несправедливости прошлого века». Наполеон, по его мнению, мог, но не дал Польше независимости, и это его большая ошибка. При поддержке Англии, считал Талейран, и при этом не нарушая европейского мира, можно добиться для Польши независимости, а независимая Польша будет «лучшим барьером против распространения мощи России». Талейран, по существу, возрождал старый план создания барьера вокруг России из Польши, Швеции и Турции¹⁹.

Однако и эти планы не встретили никакого понимания в Англии. Английское правительство не желало из-за Польши ссориться с Рос-

¹⁸ Мартенс Ф. Ф. Указ. соч. Т.15. С.7.

¹⁹ Ambassade de Talleyrand. P.144.

сией. Оно ограничилось напоминанием русскому правительству о гарантиях 1815 г., но на все предложения Парижа выступить совместно посредниками в этом деле ответило отказом.

Некоторое взаимопонимание возникло в связи с событиями в Италии. Так, оккупация Австрией Папских областей вызвала недовольство и во Франции, и в Англии. Обе державы стали добиваться эвакуации австрийских войск и проведения здесь некоторых административных реформ. 18 февраля 1831 г. Пальмерстон в депеше послу в Париже, характеризуя англо-французские отношения, употребил выражение «прекрасное понимание». А 31 мая он писал ему: «Мы глубоко сознаем, что сердечное соглашение, тесная дружба между Англией и Францией должна способствовать обеспечению мира на земле, утверждению свободы, защите и развитию счастья наций»²⁰.

Однако это «сердечное согласие» возможно только при условии, если Франция не будет добиваться пересмотра границ 1815 г., не будет делать попыток расширить свою территорию. Себастиани с горечью заметил английскому послу, что Англия «до тех пор дружна с Францией, пока та терпит свое унижение»²¹.

Важной вехой в международных отношениях был восточный кризис начала 30-х гг. XIX в. Вспыхнувший в 1832 г. конфликт между турецким султаном и египетским пашой быстро перерос в большую международную проблему. Позиции Англии и Франции по восточному вопросу часто не совпадали, но в одном эти позиции сходились — не допустить усиления русского влияния на Ближнем Востоке.

В январе 1833 г. французское правительство выдвинуло план «коллективного посредничества» (под коллективом подразумевались Англия и Франция) в восточном вопросе. В. де Броли — министр иностранных дел Франции с ноября 1832 г. — писал Талейрану 21 января 1833 г.: «Спасти Порту и помешать интервенции России — эта двоякая цель стоит в настоящий момент перед Францией и Англией»²².

Английское правительство не возражало против этой идеи, но настаивало, чтобы все великие европейские державы, в том числе и Россия, присоединились. Талейран стремился убедить английский кабинет, что посредничество следует предлагать только от имени Франции и Англии. Однако достичь этого не удалось. Английское правительство не желало в данный момент двустороннего соглашения

²⁰ Guyot R. Op. cit. P.77.

²¹ Ibid. P.78.

²² Mémoires du prince de Talleyrand. Vol.5. P., 1892. P.493.

с Францией. Талейран писал 31 января 1833 г.: «...система английских министров основывается на их желании сдержать завоевательную политику России, полностью сохранив по отношению к ней видимость абсолютного согласия; они считают, что добившись присоединения этой державы к коллективному решению восточного вопроса, данная цель будет достигнута»²³.

Заключение в 1833 г. Ункиар-Искелессийского договора между Турцией и Россией, благодаря которому Россия получила преобладающее влияние в Константинополе и проливах, и в Англии, и во Франции было встречено как провал их политики на Ближнем Востоке. Причем негодование в Англии было столь велико, что английский кабинет начал искать союзника на случай войны с Россией. Мартенс считал, что восточный кризис, несмотря на выявления острых англо-французских противоречий, привел к тому, что теперь именно Англия «увлеклась мечтами об англо-французском союзе»²⁴. Но на этот раз французское правительство не поддержало Англию. Луи-Филипп считал безумием воевать с Россией из-за русско-турецкого союза, да и внутреннее положение во Франции не позволяло решиться на такую военную авантюру.

Враждебная позиция Франции и Англии по отношению к России во время восточного кризиса начала 30-х гг. XIX в. ускорила заключение Мюнхенгрецкой и Берлинской конвенций 1833 г. между Россией, Австрией и Пруссией, как противовес сближению Франции и Англии²⁵.

Снова оживились разговоры о возможности заключения союзнического соглашения между Францией и Англией. Министр иностранных дел Франции Брольи считал, что англо-французский союз — «это лучший из всех замыслов» французской политики последних лет. Брольи полагал, что Мюнхенгрецкое свидание дает исключительную возможность для заключения оборонительного союза между Францией и Англией. Сама идея оборонительного союза принадлежала Талейрану, который, приехав в сентябре 1833 г. из Лондона в Париж, настойчиво проводил ее в беседах с членами кабинета министров и в разговорах с английским послом в Париже. Брольи же стал самым ярким сторонником этой идеи Талейрана.

В декабре 1833 г. он послал подробную инструкцию французскому послу в Лондоне, в которой, как он сам писал, развил и обосновал

²³ Ibid. P.114–115.

²⁴ Мартенс Ф. Ф. Указ. соч. СПб., 1898. Т.12. С.40.

²⁵ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1833. Д.24. Л.227–230.

мысли Талейрана. О каком союзе шла речь? «Речь идет, — писал Брולי, — о договоре, по которому враги одной из двух стран становятся врагами другой, в случае необоснованной агрессии против нее»²⁶. Большое место в этом послании уделено рассуждениям о том, что так ли уж Англии необходим этот оборонительный союз, как Франции, ведь Англия — островная страна, давно не переживавшая революционных бурь. Однако французское правительство считало все же, что соглашение трех северных держав представляет реальную опасность и для Англии. Франция 1830 г. и Англия после парламентской реформы 1832 г., объединившись, смогут стать оплотом либерализма, смогут противопоставить свою политику политике абсолютистских государств. Отдав же Францию на растерзание Европе, Англия окажется в одиночестве и не сможет на равных вести разговор с Россией, Австрией и Пруссией. Цель союза — противодействие политике трех северных европейских монархий: укреплению России в Турции, Австрии в Италии, Пруссии в Германии в результате Таможенного союза²⁷. Наконец, в депеше подчеркивалось, что главная задача Англии — это поддержка *status quo* в Европе, а достичь этого можно, только объединившись с Францией против притязаний монархий Севера. Французское правительство отдавало себе отчет в том, что множество «мелких» вопросов разъединяет эти две страны: Алжир, проблема таможенных пошлин и другие, но «все эти мелочи отступят перед неизбежной солидарностью, перед общим очевидным интересом»²⁸.

30 декабря 1833 г. проект договора послали в Лондон. Пальмерстон не был абсолютно враждебен идеи союза с Францией. Но все же вступать в тесное двустороннее соглашение с Францией, связывать себя обязательствами, английское правительство не хотело.

На предложение французского правительства английская сторона почти сразу же ответила отказом. 3 января 1834 г. Талейран писал, что англичане «не желают стеснять себя связями, которые не имеют цели специальной и четко определенной»²⁹. Английское правительство развернуло перед французским послом и другие причины, по которым оно отказывалось от заключения оборонительного союза. Прежде всего, оно надеялось расколоть союз северных государств. У Англии, как уверяли английские политические деятели Талейрана, сильны

²⁶ Mémoires du prince de Talleyrand. Vol.5. P.280.

²⁷ Ibid.P.289–290.

²⁸ Ibid.P.286.

²⁹ Ibid.P.298.

надежды на привлечение Австрии к решению восточного вопроса — тогда английское правительство сможет опереться в своей политике и на Вену. Союз же с Францией, четкий и определенный, мог только помешать этим планам; он окончательно бросит Пруссию и Австрию в объятия России³⁰. Сам Талейран так определил причины отказа Англии: постоянное соперничество Франции и Англии после Утрехтского мира в Испании; нестабильность внутреннего положения Франции; англо-русские переговоры и попытки наладить отношения³¹.

Старания Талейрана, направленные на заключение двустороннего союза с Англией, потерпели неудачу, что он и признал в письме от 13 апреля 1834 г.

В это же время осложнилась ситуация на Пиренейском полуострове. В Испании и Португалии борьба за престол переросла в гражданскую войну. Французское правительство еще в конце 1833 г. обсуждало вопрос о посылке в Испанию своих войск. Однако английское правительство в тайне от Франции в первых числах апреля подписало договор с Испанией и Португалией об оборонительном союзе, который ставил весь Пиренейский полуостров, по существу, под протекторат Англии.

Франция расценила этот шаг английской дипломатии как провал всей политики, направленной на англо-французское сближение. Лондонский двор предложил Франции присоединиться в качестве четвертого союзника. Однако Талейран настаивал на существенном редактировании текста договора: «...Франция в договоре должна стать стороной договаривающейся, а не всего лишь примыкающей к нему»³². Англия уступила и 22 апреля был подписан Четверной союз, по которому Англия обязывалась помогать Испании и Португалии оружием и флотом. Франция же, по существу, никаких обязательств не имела. Ее участие в этом союзе было чисто формальным. Французское правительство и не желало связывать себя обязательствами, не имея в отношении себя никаких обязательств со стороны Англии. Четверной союз получил любопытную оценку в отчете Министерства иностранных дел России: «Четверной союз заключает в себе признание формальное и даже предусматривает применение принципа вмешательства», против которого Франция и Англия еще совсем недавно так громко протестовали³³.

³⁰ Ibid.

³¹ Ibid. P.318.

³² Ibid. P.367.

³³ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Отчет за 1834 г. Л.122.

Талейран еще некоторое время будет пытаться убедить и себя, и французское правительство в том, что договор является демонстрацией единства Парижа и Лондона, а проблемы Пиренейского полуострова — дела второстепенные. Однако действительного сближения с Англией, которое было бы закреплено союзным договором, не было достигнуто. Но это был максимум того, что могло сделать французское правительство в своем стремлении заключить союз с Англией. В конце 1834 г. Талейран ушел в отставку.

Таким образом, в 30-е гг. не удалось заключить «сердечное согласие» между Францией и Англией, которое в идеале должно было завершиться пересмотром Венских трактатов. Это объяснялось рядом обстоятельств. Во-первых, положение Франции было еще слишком неустойчивым, ее международный престиж невелик, а поддерживать стремление французского правительства к пересмотру Венских трактатов и таким образом усиливать позиции Франции Англия не была заинтересована, тем более, что это привело бы к обострению отношений с другими европейскими странами. Во-вторых, остались неразрешенными экономические противоречия. На всех этапах переговоров между Англией и Францией о сотрудничестве, сближении или даже заключении союзного договора английские представители выдвигали предложение о пересмотре таможенной политики Франции, снижении пошлин на некоторые товары, т. е. фактически об открытии французского рынка для английских товаров. Английский посол в Париже подчеркивал, что невозможно добиться упрочения политического союза, не договорившись по вопросам торгово-промышленным³⁴. Как только Талейран в Лондоне повел разговор об оборонительном союзе, английский посол вручил в Париже меморандум о реформе таможенной системы во Франции. Под нажимом Англии французское правительство пыталось перейти к политике экономического либерализма. Однако все попытки провести через парламент хотя бы некоторые изменения в таможенной системе кончались провалом. Снизить пошлины, открыть французский рынок для английских товаров Франция не могла — это противоречило интересам широких слоев французской буржуазии.

Наконец, очень трудно было преодолеть психологический барьер. 20-летняя смертельная борьба между Францией и Англией была еще в памяти, общественное мнение обеих стран было против такого союза, преодолеть этот барьер можно было только серьезными взаимными уступками, на которые оба правительства пойти не могли.

³⁴ Guyot R. Op. cit. P.112.

В конце 30-х — начале 40-х гг. XIX в. англо-французские отношения серьезно обострились в связи с новым восточным кризисом. Причем противоречия между державами в этом регионе были настолько велики, что рассчитывать на какое-либо соглашение было явно не реалистично. В такой сложной международной ситуации пост министра иностранных дел Франции занял Ф. Гизо. 15 июля 1840 г. четырьмя европейскими державами (Англией, Россией, Австрией и Пруссией) была подписана Лондонская конвенция, которая предполагала совместные действия этих держав против египетского паши (его поддерживала Франция) на стороне Турции. Известие об этом произвело ошеломляющее впечатление во Франции. Конвенцию сочли ударом по ее национальному достоинству: во Франции был объявлен рекрутский набор. Конвенция означала крах англо-французского сближения. В переписке крупного политического деятеля Франции А. Тьера с Ф. Гизо мы находим такое суждение: «Союз, действие которого распространяется на второстепенные проблемы и не распространяется на основные — несерьезный союз»³⁵. Франция вновь оказалась в международной изоляции.

В этой сложнейшей политической ситуации Ф. Гизо попытался переломить ситуацию в пользу Франции путем нового сближения с Англией. Конфронтация с Англией, по мнению Гизо, грозила Франции длительной изоляцией на международной арене. Поэтому французское правительство не пошло на поводу общественного мнения, которое в то время задыхалось «от ненависти, недоверия и ревности» к Англии и отказалось от жесткого противостояния с ней. Гизо пытался убедить английское правительство в том, что главный противник на Востоке — Россия, и что Англия и Франция совместно должны помешать укреплению там ее позиций³⁶.

Надо сказать, что такой поворот событий находил понимание в английских правительственных кругах. Ведь английское правительство не хотело идти на окончательный разрыв отношений с Францией и терять таким образом потенциального союзника в борьбе с Россией за влияние в Европе и на Ближнем Востоке. Правительство Франции пыталось выйти из международной изоляции, наладив отношения и с другими европейскими державами — Австрией и даже Россией — но понимания не находило. Поэтому «реконструкция» союза с Англией становилась по существу единственной возможной для Франции

³⁵ Archives du Ministère des Affaires Etrangères. Correspondance politique (далее — ААЕ. СР). Angleterre. Vol. 654. P. 177–178.

³⁶ Ibid. P. 206–207.

дипломатической комбинацией. Тем более что глава британского кабинета лорд Абердин уже в сентябре 1841 г. заявил, что английское правительство приложит все силы для поддержания «сердечных и искренних» отношений с Францией.

Однако осуществлению этих планов мешали трудности главным образом экономического характера. В начале 1841 г. Англия возобновила переговоры с Францией о снижении таможенных пошлин (особенно на пряжу, ткани из льна и пеньку). Французское правительство было против коммерческой свободы, более того, было проведено повышение таможенных пошлин на эти статьи английского экспорта. Этот шаг вызвал протест со стороны как английского правительства, так и депутатов от винодельческих районов Франции. Французские «прядильщики» также считали, что повышение пошлин оказалось неэффективным, так как английская пряжа идет в Бельгию и оттуда поступает во Францию в виде полотна.

В этой обстановке возникла идея создать по типу прусского таможенный союз между Францией, Бельгией, а впоследствии и Швейцарией. Гизо убеждал Лондон, что коммерческое соглашение с Бельгией не окажет влияния на ее нейтралитет. Английское же правительство выступило категорически против этих планов, оно настаивало, чтобы нейтралитет Бельгии распространялся и на коммерческие дела. Абердин заявлял, что «таможенный союз Франции и Бельгии мы рассматриваем как удар по независимости Бельгии и посягательство на трактаты, ее установившие». Такая позиция Англии была ударом по престижу Франции и ее экономическим интересам. Все это было тем оскорбительнее для Франции, что еще в мае 1842 г. Англия заключила торговый договор с Португалией, и хотя он вызвал протест со стороны Франции, тем не менее был подписан.

К концу 1842 г. отношения между Англией и Францией стали очень напряженными. Французский посол в Лондоне Сент-Олэр настаивал на необходимости договориться по двум статьям англо-французского торгового обмена: британская льняная пряжа и французская водка. И хотя прийти к согласию не удалось, но и ссориться из-за этого французское правительство не хотело. В конце декабря 1842 г. Сент-Олэр получил инструкцию из Парижа, в которой Гизо просил не обострять отношений с Англией³⁷. От идеи торгового союза с Бельгией пришлось отказаться.

В начале 1843 г. вновь начались переговоры между Францией и Англией по снижению таможенных тарифов. Но никаких результа-

³⁷ ААЕ. СР. Angleterre. Vol.658. P.166.

тов они не дали, вызвав лишь взаимное недовольство. «Сердечное согласие» — термин, которым с 1841 г. охотно пользовались и дипломаты и политики двух стран — все же, по выражению Абердина, оставалось «доверием на один день»³⁸. Оно зиждилось не на единстве интересов, а на поисках французской дипломатией путей для ликвидации «уни- зительных» для Франции решений Венского конгресса.

Все французские дипломаты в 30-е — 40-е гг. XIX в. от Талейрана до Гизо делали ставку на следующую политическую комбинацию: раскол Европы на два военно-политических блока по идеологическому принципу — Франция и Англия с одной стороны, с другой Австрия, Россия и Пруссия. При этом считалось, что Пруссия, с ее тягой к либеральным реформам, в будущем присоединится к Англии и Франции. Меттерних называл эти планы «химерой»³⁹. Более того, учитывая постоянное соперничество и взаимное недоверие в колониальных делах между Англией и Францией, Меттерних строил планы окончательного разрушения «сердечного согласия» и замены его новым — между Францией и Австрией.

Последний удар по «сердечному согласию» 30-х — 40-х гг. XIX в. был нанесен спорами из-за «испанских браков». Борьба между Англией и Францией за влияние в Испании велась и раньше. Англии постоянно мерещилась перспектива создания франко-испанской империи, и причины для этих опасений имелись, так как влияние Франции в Мадриде было велико. Регентша испанской королевы Изабеллы предложила ее руку одному из сыновей Луи Филиппа. Французский король поспешил заверить Англию, что такой брак не входит в его планы. Но в то же время он рассчитывал выдать Изабеллу замуж за одного из принцев дома Бурбонов, полагая таким образом сохранить преобладающее влияние Франции по ту сторону Пиренеев. Сестру же Изабеллы французское правительство рассчитывало выдать замуж за сына Луи Филиппа герцога Монпансье. Английское же правительство поддерживало в свою очередь кандидатуру (в качестве мужа Изабеллы) германского принца Леопольда Кобурга.

Путем интриг и дипломатических шагов французскому правительству удалось решить испанские матримониальные дела в свою пользу⁴⁰. В Англии такое развитие событий было встречено крайне враждебно.

³⁸ Ibid. Vol. 660. P. 36.

³⁹ Mémoires... Т. 7. P., 1883. P. 21.

⁴⁰ Изабелла 26 августа 1846 г. объявила о своем выборе — это был герцог Кадисский (один из принцев бурбонского дома), а ее сестра выходила замуж за герцога Монпансье.

К 1847 г. «сердечному согласию», таким образом, был нанесен новый серьезный удар. Пальмерстон активно начал искать взаимопонимания с Петербургом; французский кабинет обратил свой взор на Австрию и стал искать согласия с Меттернихом. В своих записках последний выразил надежду на то, что исчезновение «английских иллюзий» будет способствовать налаживанию отношений Франции с Австрией и Россией. Предсказания эти не сбылись⁴¹.

Таким образом, действительного и устойчивого сближения двух конституционных монархий на основе лишь общности либеральных политических институтов в противовес абсолютистским режимам не произошло. Непосредственные внешнеполитические противоречия, экономическое, торговое и колониальное соперничество оказались сильнее и не допустили стабильного сотрудничества. Можно говорить лишь о временных совпадениях интересов и действий.

---

⁴¹ См. Федосова Е. И. Гизо во главе МИД Франции (1840–1847 гг.) // Вопросы истории. 1993. № 10. С. 142–143.